

«Знаешь, как интересно каждое слово...»

ПИСЬМО С ВОЙНЫ

Вот письмо моего отца. Давнишнее. Фронтовое. Пожелтевшее. С той войны, которую мы называем Великой или просто – Войной. Автору письма 21 год и три месяца, а на дворе март 1942 года.

«26-III-42 г. С фронта...»

Привет, дорогой товарищ Нина, бесконечно благодарен вашему письму. До слез рад!

Ведь 10 месяцев! Эх, сколько пришлось пережить, трудно рассказать, не только описать. Особенно трудна была жизнь в тылу у противника. Трудна, рискованна и интересна. За семь месяцев наш партизанский отряд сделал очень многое. Мы сделали много налетов на немцев, разбили несколько машин, истребили до сотни немецких ставленников – старшин, полицейских и прочей твари. Вели агитработу, тормозили сбор хлеба, теплых вещей для немецкой армии, а в нескольких сельсоветах существовала советская власть под нашим руководством.

Вы счастливы в том, что не можете видеть ужасов войны, тех ужасов, которые принесла немецкая «цивилизация» в оккупированных районах.

Виселица и расстрел, грабежи и пожары. Вот что принесли немцы для народа временно оккупированных районов.

Мать пишет, что считала меня неживым. Да, было много случаев, когда смерть подстерегала, но я удачно уходил от нее. Уже в последние дни, перед тем, как мы перешли линию фронта и пришли к своим войскам, я с товарищем чуть не попал в руки немцев. Мы выполняли задание, были в одной деревне. Приехал карательный отряд до 250 человек. Часть уже въехала в деревню, когда мы заметили их. Казалось, все. Решили биться до последнего патрона. Приготовили гранаты. Однако удалось уйти. Снег глубокий, еле добрались до леса. И вовремя предупредили товарищей. Однажды (это было еще в июле) пришлось уходить из под нагана. Спасла граната. Немец был переведен в нашу форму, прежде чем мы сумели разгадать (нас было двое), он выстрелил в упор по товарищу, я отпрыгнул в сторону. Бросил гранату, но она не принесла вреда. Четыре пули просвистели мимо – выбрался. Всего не перескажешь.

Нина, я не думаю, чтобы вы не могли написать больше. Знаешь, как интересны письма, каждое слово.

Пиши подробнее о девочках, кто где работает, как дела в школе, может, о ком-нибудь из ребят знаешь что. Пиши.

Твое пожелание есть долг каждого воина, и каждый воин старается его с честью выполнить.

Пиши, не скупись!

С приветом В. Кузнецов.

26-III-42.

Мой адрес...»

И далее следует подробный адрес.

Какая искренность! Кажется, в саму эту искренность окуналось то перо. (Половина письма написана синими чернилами, половина – черными; стало быть, с перерывами...).

Вершится самая кровопролитная война в мировой истории, а у молодого человека почти нет страха, уныния, ни тени сомнения в своей правоте, праведности, в конце концов – в победе.

Более того – виден прежде всего человек, а не солдат. Рядом с общенародной есть и другая боль и забота у него в душе и на уме. Весь пафос письма – именно интимное послание. С перечетом, как водится, своих высоких переживаний и с честью преодоленных невзгод, своих идейных убеждений и черт характера; в конечном счете – своих достоинств!

За той «связью времен» далеко ходить не надо. Вот вам письмо подлинного рыцаря!

К тому же видно с ходу, в какой стране и в какое время жили автор и адресат, кавалер и его избраница.

Люди, как известно, в течение последних нескольких тысяч лет ничуть не изменились. А тут всего 65 лет истории. Какая уж «смена поколений»! Читаешь – и будто это пишет нынешний солдат. И легко и уважительно читается, в смысле – понимается его биография, душа и воспитание.

Текст написан строго, аккуратно, разборчиво, без помарок, зачеркнуто лишь одно недописанное слово... Кое-где нет необходимых запятых... (Посчитаем это, из уважения искреннего, опечатками и восстановим).

Каждое слово хочется увлеченно разгадывать, рассекречивать. Вверху первого листка в углу дата – тут прямой намек на документальность.

Первое слово – на одной

строке: «С фронта...» – как содержательно! – до слез содержательно! И волнующе понятно любому: в нем – целая держава, целая эпоха; обязанность, ответственность, долг, гордость, тревога, надежда; словом – народность, соборность.

Вторая строка: «Привет...». Отнюдь не «здравствуйте». Тем более – обращение к «дорого-

– Нет уж, знаю, сам когда-то солдат, как в армии считаются дни и письма!..)

Не случайно после этого следует: «Эх...» – «Эх, сколько пришлось пережить...». А как конкретно: солдат Владимир Кузнецов в армии не получает от некой Нины откуда-то с родины писем уже месяц... А тут – война! Вселенская беда!.. И –

власть» и другие некоторые характерно сокращены. Как свято понятные.

«Вы счастливы в том, что не можете видеть ужасов войны...». Это ведь мог написать в любом веке, в любой стране любой солдат, когда соседствуют война и мир!..

«Мать считала меня неживым», «много случаев», «смерть

ведь хитрость, свято прости- тельная!..

«Твое пожелание есть долг каждого воина...» И понятно – какое было то пожелание. Тут уже не «ваше», а – «твое». Тс есть, после всего изложенного выше автор считает себя равным адресату, а подругу своих достаточно вовлеченной в общие бедственные события и главное, – приближенной к себе.

«Пиши, не скупись!» – прямо требование.

Только бы писала...

Письмо написано на каком-то разлиненном бланке, разрезанном пополам, мелкие строки – поперек линий... И конверт склеен из тех же бланков. На штемпеле: «СССР», «Полевая почта №...», «29342». По-нашему бы так: 29.03.42. Значит, это письмо где-то было до отправки три дня... На другой стороне самодельного конверта еще два штемпеля: «Просмотрено военной цензурой» и «Яросл... Милуш...» (остальное неразборчиво); «17422». То есть письмо шло 21 день. Три недели. (Где. не между прочим, была тогда уже линия фронта?!..)

Читаешь это все и думаешь: Господи, неужели эти честные, строгие и гордые люди не получают по-

том Победы, Счастья? – хотя бы самого обычного счастья?..

Но если я, их сын, держу в руках это письмо...

И как бы невольно добавляется: так называемая «проблема отцов и детей» возникла ведь в дворянской среде, то есть барской, бездеятельной, вздорной.

Живой всегда поймет живого. Тем более – искренний искреннего. Так и хочется запальчиво провозгласить: никаких «смен поколений» нет! Никто же не считает с многих ветвей опавшие листья – считают в едином стволе годовые вечные кольца!

Этим и закончу свое к современникам искреннее письмо.

Волею Божьей – спустя ровно 65 лет!

Евгений КУЗНЕЦОВ, писатель.

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

му товарищу», хотя она просто Нина, которому «бесконечно благодарен» и обращение к которому на «Вы».

Тут уж веет, как и далее кое-где, теми строгими тридцатыми, на которые пришлось, как легко подсчитать, школьные годы друзей. И это – тоже абсолютно искренне. Как, впрочем, и каждое слово. «До слез рад!». Это – прямо признание сердечное. Недаром – на отдельной строке. И, кстати, именно тут первый в письме... знак восклицания!..

Следующий абзац начинается: «Ведь 10 месяцев!»

Итак. Переписка, во-первых, уже была. И значит – взаимная симпатия. Но с начала войны, с 22 июня 1941 года, минуло, судя по дате письма, всего 9 месяцев... Значит, уже целый месяц до войны писем не было. По крайней мере – ему от нее. (Может, автор письма обсчитался?

неизвестность... Смерть на каждом шагу... И вдруг – письмо!

«Особенно трудна была жизнь в тылу противника». Да уж! Кому как не современному зрителю многочисленных фильмов этого не понять. Но никакой сценарист и писатель не придумал бы следующей фразы: «Трудна, рискованна и интересна». Какая удалая и величаявая сдержанность! (Товарищ Сухов известный – не дед ли ему?..)

«Наш партизанский отряд сделал очень многое». Это ведь отчет! Военный, комсомольский, гражданский, патриотический. Прежде всего – дисциплинированный, совестливый.

Далее. Немцы называются немцами, а вот «немецкие ставленники», «старшины и полицейские» заклеены словом «твари».

Слова «агит. работа», «сов.

подстерегала», «удачно уходил от нее»...

Чувствуется, что двадцатилетний человек просто захлебывается и от пережитых событий, и от бурлящих впечатлений, и еще – от собственной сдержанности. Но в конце концов считает нужным привести примеры опасных эпизодов, подробно их описать. Тут – все: и знание, что голым словам верить не заведено, и желание посвятить дорогого человека в свои тайны, и потребность вызвать сочувствие, сострадание; словом – приблизить его к себе.

Действительно: «Всего не перескажешь».

В конце письма – уже открытая тоска! Хоть по какому бы то ни было в жизни свету, теплу...

«Вы не могли написать больше», «Знаешь, как читаются письма», «Пиши подробнее о девочках, кто где работает, как дела в школе», «Пиши... Это